

ПОДРУГА ПОЭТОВ ЕЩЕ В ОДНОМ ЗЕРКАЛЕ

*Владимиру Милашевскому:
In memoriam*

Где вы, прекрасные, добрые, нежные...
Федор Сологуб

Петербургская кукла, актерка...
Анна Ахматова

Валерий Брюсов написал как-то Зинаиде Гиппиус, что поэзия вне соотнесенности с автором теряет всякий интерес: неподписанные стихи читать скучно и бессмысленно. Какие бы сарказмы и попросту наветы ни посылала Анна Андреевна Ахматова в адрес того, кого они с Гумилевым между собой называли Valère, она от "юности своя" все делала для того, чтобы по-своему стереть грань между "поэзией" и "правдой": жизнь творилась как легенда, поэзия в полную силу резонировала только при знании (точнее: полужнании, еще точнее: догадках) читателя об обстоятельствах жизни.

Мудрено ли при этом, что герои ахматовской "Поэмы без героя", легко "опознанные" первыми ее слушателями, помнившими "некоторые петербургские обстоятельства", сразу же "подменили" своих реальных прототипов, заслонили их собою, отняли у них их подлинное бытие. Когда же к 70-м годам взросло племя дотошных "ахматоведов" и, подогреваемое подозрительно-недоброжелательным отношением власти к занятиям "серебряным веком", бросилось самоудовлетворенно копаться в околичностях эпохи, реальным "подруге поэтов", "драгунскому корнету", "владыке Мрака" e tutti quanti пришел конец. "Избежал общей участи" и даже подвинул своего верного паладина на отповедь за слова "с мертвым сердцем и мертвым взором" только "Демон сам с улыбкой Тамары", слишком уж был он прославлен и известен. Про остальных можно сказать, что раньше их охраняло спасительное забвение. Теперь же все, что ни узнавалось о них, интерпретировалось только в свете "петербургской повести". Я, конечно, скажу трюизм, но: предоставим героев "Поэмы без героя" самим себе и дадим их прототипам жить собственной жизнью, не то мы рискуем оказаться в положении человека, судящего об "императоре французов" или "герцоге Эльхингенском" по "Войне и Миру".

Заметки Ольги Николаевны Арбениной (Гильдебрандт, 1897-1980) ставят своей целью воскресить черты реальной Ольги Афанасьевны Глебовой-Судейкиной. Арбенина младшая современница Судейкиной, как и она, "подруга поэтов" (Гумилев, Мандельштам, Кузмин), как и она "цветок театральных училищ" (или, если угодно, "маленькая актриса"), как и она, открывшая свой подлинный дар - акварелистки, в pendant к прикладничеству своей старшей тезки, сравнительно поздно, но выявившая себя в нем с наибольшей полнотой.

Ольга Судейкина с куклой своей работы

Всеволод Князев

Когда в начале 1978 года Ольга Николаевна взялась за перо, чтобы зафиксировать то, что могла сказать об Ольге Афанасьевне, последней была уже посвящена в 1972 г. французская диссертация-монография Элианы Мок-Бикер (русский перевод под названием "Коломбина десятих годов" издан в 1993 г.).

Зачарованные этим фактом советские "архивные юноши" устремились интервьюировать последних доживавших свой век "свидетелей и очевидцев". Одни ответили им сильно беллетризованными, написанными "с брио", но не вполне аутентичными мемуарами, в которых воспели женщину с "волосами цвета цинандали" (и, право, за этот образ автору можно простить любые фактические "погрешности"), другие, как Ольга Арбенина, попытались донести до потомства черты подлинной Ольги Афанасьевны. Заметки Арбениной, подобно заметкам В. А. Знаменской, тоже знавшей Судейкину в послереволюционные годы (хранятся в рукописном отделе б. Публичной библиотеки в Петербурге), для печати не предназначались. Они открыто полемичны. Но нас не должна удивлять их первая фраза: "Непонятный интерес современников к Ольге Афанасьевне Судейкиной!" По мере чтения становится ясно, что Арбенина недоумевает по поводу мифологизации реальной Судейкиной в свете "Поэмы без героя". Ей хочется вернуть Судейкиной ее реальный облик, при этом ничуть не принижая ее как личность, одаренную талантом художника-прикладника, но лишая ее черт исключительности.

Их действительно было не мало - и просто, как сказал поэт, "красавиц той, когдатой России", и тех, кого Бог наделил тем или иным талантом - в том числе и талантом вдохновлять, участвовать в чужих замыслах, быть ценителем, дегустатором высшей пробы.

Самых заметных в его кругу перечислил Георгий Иванов ("Где Оленька Судейкина, увы, Ахматова, Паллада, Саломея..."); перечень почти математически точный, как и перечень "самых русских" имен у Ахматовой ("Ваньки, Васьки, Алешки, Гришки"), к нему можно было бы добавить разве что Бэллу Казарозу, но это чуть-чуть другое поколение и чуть-чуть другой круг.

Мировая слава из этого женского созвездия досталась Ахматовой, и ее косвенным отблеском является "непонятный интерес" современных людей к реальной Ольге Судейкиной. "Непонятный" потому, что как личности, иногда и художественно одаренные, ни Паллада Богданова-Бельская, ни Саломея Андроникова-Гальперн, ни та же Ольга Арбенина нисколько ей не уступали.

Не говоря уже о том, что на роль русской *m-me Récamier* (сравнение А. Лурье) она совершенно "не тянет". С подружкой Шатобриана неловко сравнивать даже Зиновьеву-Аннибал, даже Гиппиус. Не то время, не тот стиль. Будь иначе, книга Э. Мок-Бикер заняла бы место рядом со знаменитой монографией Эдуарда Эррио, посвященной "божественной Жюли".

Если этого не произошло, то "вина", в значительной степени, в модели. И для того, чтобы из не вполне законной героини "житийной" литературы О. А. Судейкина стала просто женщиной, "прекрасной, доброй, нежной", из той породы, что стала исчезать в России к середине 20-х годов, совершенно необходимо прочитать заметки Арбениной. Да и фактических сведений из этих безыскусных страничек можно почерпнуть немало. Оказывается, Ольга не была "хрупкой и грациозной", как пишет Мок-Бикер - "нет, подвижная фигурка, легкая, хотя не худощавая" (и это подтверждают фотографии), Судейкин изменял ей не в большей степени, чем она ему (особым поводом для ревности "Сергея", по устным разъяснениям О. Н. Арбениной, были некоторые "тенденции" Ольги, за которые ее, как и "Палладу", не любил Гумилев, а муж вышвырнул за порог, обмотав вокруг руки косу).

Училась Ольга до театрального училища в Смольном институте "для неблагородных девиц" (вот вам и ученые монографии: пропустили!). Но самое главное - покончил с собой "Всеволод", "драгунский Пьеро" из "Поэмы без героя", не из-за нее (впрочем, и не из-за "генеральской дочки", добавим от себя: "дочка" только "предлог", "самопровокация", хотя

как "факт" достовернее, чем Ольга, тем более, что ряд стихотворений, отнесенных учеными мужами к последней, обращен к Кузмину и адресат их переведен в женский род издателем посмертного сборника стихотворений, отцом Князева).

И здесь возникает вопрос - а допустимо ли для поэта так "переосмысливать" отношения легко "узнаваемых" в его произведении современников, не есть ли это "сведение счетов" с эпохой, которой уже нет, и людьми, которые не могут ему ответить? Ахматова пыталась отмахнуться от этого вопроса, заданного ей в 1942 г. в Ташкенте будто бы Абрамом Эфросом, но он неизбежен. "Ольге" благодаря "Поэме" досталась "замечательная посмертная память". Отчасти это можно сказать и о "Всеволоде", хотя он "воскрес" бы и благодаря стихам Кузмина, когда для них пришел свой час. Но какие слова подобрать для характеристики "посмертной памяти" о Блоке, Кузмине, Иванове... "Неудобно и речь затевать". Предоставляем слово Ольге Арбениной. Она говорит о своей ныне знаменитой, благодаря великой подруге, тезке.

1994 г. Нюрнберг

Ольга Арбенина
О. А. Глебова-Судейкина
2.01.1978.

Непонятный интерес современников к Ольге Афанасьевне Судейкиной!

Адрес, где она жила и я впервые ее посетила, был, если не ошибаюсь - Фонтанка, 18. Там, в том дворе, жили мои знакомые, где я бывала с детства, но в другом флигеле. Во дворе был сад - О. А. прямо, в флигеле за садом. С Фонтанки - против сада Инженерного замка. Там, сколько помню, жила (или просто была в гостях) и А. Ахматова. Я была очарована обстановкой комнаты. Синие обои и желтая скатерть. Картина Судейкина на стене, в золотой раме! Этажерка у дверей - на ней две чудесные куклы: сиамец и сиамка, перекинута через плечо кавалера. Все куклы О. А. были хороши, но мне эта пара казалась лучше всех. Рядом была другая комната - и там стояло псишэ, т. е. тройное зеркало, чашки были (вероятно, со времен Судейкина) самые трактирные, с толстыми синими ободками с золотом, и на чашках - намалеванные розовые розы.

Не помню, в первый раз или в другой, в гостях был Федор Сологуб, - весьма хмурый¹ старик, к которому очень почтительно обращались - то ли за советом, то ли за каким-то разрешением (стиль диалога). Он меня почти напугал!

Была ли она хорошенькой? Скорее, да. Я с "высоты" моей юности (тогда) считала ее несколько поблекшей. Белокурые легкие волосы, подвижная фигурка, легкая, хотя не худощавая - "у нее все есть", сказали бы дамы любопытные! Ахматова была с царственностью, со стилем обреченности. Как будто, в темном. Но говорила весьма просто, если продолжала слегка кривляться (стиль бывшей, дореволюционной эпохи, который мне казался самым подходящим, но моей маме, например, привыкшей к другому стилю, более естественному - "XIX века" - казался неприятным ("в декадентских кругах!"). Отношения с Судейкиной дружественные. Что повлекло потом замечательную посмертную память об Оленьке?..

Мне казалось, в манере говорить у О. А. была легкая - очень легкая - слащавость и - как бы выразиться - субреточность - вероятно, любившей господствовать Ахматовой эта милая "подчиненность" подруги была самой приятной пищей для поддержания ее слабеющих сил. Как верная Юлия Менгден у низвергнутой Анны Леопольдовны. Я не хочу этим сказать, что в Ахматовой была какая-то обреченность, падение. Нет. Она была (как, верно, раньше была) вполне дама, любезная и сдержанная, и смеялась, когда надо. Я думала скорее о времени, когда "уже" нельзя было фигурять и всем надо было перестраивать свои "стили", а ведь это великая печаль!!

Со слов Ю. Юркуна² и М. Долинова³ (рассказывавших о "Бродячей собаке") - у четы Судейкиных были дикие скандалы! Будто бы Сергей Судейкин из ревности обмотал

вокруг руки длинную косу Ольги и вышвырнул ее за порог на улицу. Будто бы в другой раз Ольга (из ревности) вскочила на подножку извозчика и зонтиком набила Сергея и его даму!..

Скорее, рассказ Миши Долинова. Юркун к обоим относился очень хорошо; очень гордился дружбой Судейкина и мягко относился к слабостям Ольги. Юра вспоминал, как Судейкин подошел к нему, погладил по волосам и сказал: "Какие у вас, Юрочка, волосы, как у меня! Такие женщины любят!" - И восторженное отношение к музыке. Кузмин и Юра могли заплакать от Моцарта, восхищение Судейкина (как у меня) было куда проще: слезы выступали от баркароты Оффенбаха - эпизод из "Джульетты"⁴. - Судейкина я видала раз в жизни, провожая на вокзале "бедных измайловцев" на войну (они и не уехали!). С. стоял в тамбуре вагона, держа в руках букет красных роз. Очень бледное лицо - но подробностей (т.е. насупленные густые брови, темно-красный рот!) не помню. Я говорила о нем с сестрой - та работала с актрисой Челеевой, у которой был роман (в юности) с С. - Эта дама, уже немолодая, очень влюбчивая, имевшая и в то время любящих ее поклонников, вспоминала Судейкина с восхищением - "порченный был перепорченный! Дон-Жуан № 1". Зато ее сын от С. терпеть не мог отца и фамилию имел другую. Кажется - моряк - дело было на Волге.

Мне показывали дом, где жили Судейкины на ул.(?) - недалеко от Летнего сада⁵ - у них бывало очень симпатично, весело, - когда у С. появилась новая любовь (ее называли: Вера Шиллинг⁶) - бывать стало как-то неудобно - страсть С. к этой новой была столь яростной, что делалось нетактично у них сидеть и мешать их "счастью". Эта новая "завела" книжку и к страсти подключила матерьяльный интерес. - Ольга Афанасьевна была легкой, непрактичной, истинно богемной женщиной.

М. А. Кузмин говорил, что Судейкин, рисуя, был очень разговорчив и весел; иногда просил Кузмину: "Михонька, а какого цвета платье сделать - розовое или голубое?" - он меня побранивал, что, когда я рисую (изредка, у них в комнате, за круглым столом) - то я, как "тигр". Я, правда, ничем не могу отвлекаться и совершенно ухожу из жизни!..

Очень смешная фразка К. об Ольге Афанасьевне. - "Она в детстве училась в Смольном". Кто-то спросил: "Как? разве она могла учиться - в Смольном институте?" - "Ну, да. Но для "не благородных девиц" (там в районе было такое учреждение, тоже - Смольный). Я видала раз О. на концерте вместе с "Леночкой Анненковой" - оне танцевали "полечку Евреинова". Я не представляю себе О. А. ни серьезной актрисой, ни серьезной балериной; но куклы ее были первоклассной интересности и прелести.

Я никогда не была в Фонтанном Доме, но на другой квартире С. и А. была - Фонтанка, угол набережной. Это ныне Фонтанка № 2⁷. Оне переехали.

Памятно мне следующее - еще когда я была маленькой, моя сестра Маруся читала "Обрыв" и, вероятно, волновалась за судьбу Веры. Помню, она мне рассказывала о комнатах Веры и Марфиньки. Очень подробно. И вот, ее рассказ (а не собственное чтение романа) вспомнился мне! Комната Ахматовой (с окном на Неву) - скорее темная, мрачноватая, никакой мебели не помню. Но вид на Неву был как бы самой комнатой.

А комната Ольги Афанасьевны (в другую сторону) выходила во двор. Зеленые грядки похожие очень на сад-огород средневековья в Италии - с картины "Св. Георгий и дракон" - солнечная зеленая картина.

Я не помню Лурье⁸ - а сплетни соединяли его с обеими подругами. И говорилось (подробностей, конечно, не помню), что он обманул их обеих, уехав за границу с Тамарой Персиц. Одоевцева говорила об особой симпатии Кузмину к двум Тамарам. Это чепуха! К. обожал Карсавину, ни о ком из людей он не говорил с такой любовью и восхищением. "Тяпу" (Персиц) он просто упоминал всегда очень симпатично, но не без насмешки, как о всех почти людях.

Она дольше других оставалась в Ленинграде, получала журнал "Vogue" и, по словам Юры и Кузмину, "плевалась" на Лурье, что оказалось - наоборот - влюбленностью в него!

Забыла, что говорили про его музыкальные таланты. Т. Персиц училась в моей гимназии (Лохвицкой), как будто, с Верой Сутугиной⁹, - но старше меня, и я их в детстве не помню.

Я еще в гимназии слыхала о "Бродячей собаке"¹⁰, но не была, конечно, никогда. Да и в "Привал"¹¹ попала только после закрытия "Привала". Я с восторгом смотрела на "Судейкинский зал", Яковлева и Григорьева - не помню. Сидела в "Судейкинском Гроте", но не помню златоволосую Судейкину. Наоборот, за спиной круглого диванчика, на котором я сидела, было изображение ложи с дамой-брюнеткой (?). Ко мне подсел Маяковский, и я рассердилась, так как хотела поговорить с Колей Щербаковым¹², а вовсе не быть наказанной потом из-за Маяковского! М. был любезен, велел мне встать и одобрил мой рост. Я, желая его выкурить, говорила резко, что он, мол, не поэт. Он спросил, кто, по-моему, поэт. Я ответила: "Верлен и Блок". Он сказал, что он тоже любит В. и Б., но что и он "поэт тоже, поверьте мне".

Я помню какую-то "приваловского репертуара" песенку (чья?): "Совершенно непонятно, почему бездетны вы..."

Я потом входила (после наводнения¹³?) в подвал "Привала". Было похоже на размытые водой христианские катакомбы. Точно когда, не помню.

Вид Марсова Поля и соскобленная живопись Судейкина очень напоминает Ахматовскую "Поэму без героя". "Маскарад" Головина-Мейерхольда и "Привал" Судейкина - это, мне кажется, трагический (и парадный) финал XIX-го века¹⁴.

Не знаю, как уезжала О. А. из России, но я радуюсь "бессмертию" моей тезки. Помню, что она "гулила", расставаясь с "Федором Кузьмичем", нечто не совсем серьезное: "Кого теперь Федор Кузьмич по попе хлопать будет?"¹⁵

Почему я не спрашивала о "Мальтийской капелле"¹⁶ - не знаю. Но я слыхала что-то об этом - задолго до "Поэмы без героя". И мне было любопытно - но не спросила.

18.01.78.

Отношение Гумилева к Судейкиной было очень плохое - как и к Палладе¹⁷. Наоборот, к Судейкину очень хорошее. Его картина "Отплытие на остров Цитеру" висела у него над кроватью. Исчезновение ее я восприняла как первое явление несчастья.

А Гумилев в поезде все повторял старые стихи Мандельштама:

Сегодня дурной день,
Кузнечиков хор спит,
И сумрачных скал сень -
Мрачней гробовых плит.
Мелькающих стрел звон
И вещей ворон крик...
Я вижу дурной сон,
За мигом летит миг.
Явлений раздвинь грань,
Земную разрушь клеть,
И яростный гимн грянь,
Бунтующих тайн медь!..
О, маятник душ строг.
Качается глух, прям,
И страстно стучит рок
В запретную дверь к нам...
(1911)

Это из записи Одоевцевой. По дороге из Бежецка в Ленинград. В вагоне, неотвязно... (Конец 20-го года).

А вот история В. Князева и Ольги Афанасьевны.

У меня была знакомая (в детстве) Нора Сахар. Я встречала ее в доме Сони Черновой, и эта Нора очень хотела дружить с Соней, но та была дикарка и не очень рвалась в эти гости. Уже взрослая, я где-то встретилась с этой Норой, и она вскоре уехала (совсем) за

границу. Мне рассказал А. Н. Савинов¹⁸ - Нора запомнила меня в этот раз и забыла о детских встречах с Соней. А по дороге в Париж Нора была в Берлине, когда, как будто, было нашествие русских, и Нора встретила с Ольгой Афанасьевной. Она подошла к ней и смело спросила ее о романе О. А. с Князевым: "Он застрелился из-за вас?" - Прелестный ответ Ольги Афанасьевны: "Ах, нет, к сожалению, не из-за меня". Бедный Князев был в Риге, где к нему подкатилась какая-то офицерская (или генеральская) дочка. Князев не пренебрег ею, но не хотел жениться, а она пошла к начальнику жаловаться, и тот призвал Князева и требовал от того, чтобы он восстановил честь девушки. Бедный Князев застрелился на лестнице у себя. Юра говорил, что Кузмина остановила (на извозчике) мать Князева и сообщила ему печальную весть. Кузмин очень спокойно и бесстрастно принял это известие. Юра огорчился за покойного. Я помню старичка Князева (отца), который у нас на драматических курсах читал курс эстетики. Его лекции и книга были очень скучные, подробно я ничего не помню, я тогда не знала о родстве отца Князева с молодым, воспетым Кузминым и Ахматовой. Юра вскользь рассказал как-то, что Ахматова швырялась (на улице) к Кузмину и очень яростно его бранила за Князева. Меня это удивило, но не слишком, и я подробно не узнала (и не спросила) ничего. Надписи Князева к Кузмину очень нежные, впечатление, что он или любил, или очень почитал Кузмина, как поэта. Одну фотографию я подарила Гене Шмакову¹⁹, а другая, по-моему, оказалась у В. Петрова²⁰.

Подготовил текст с рукописи при жизни автора М. В. Толмачёв

ПОЯСНЕНИЯ ПУБЛИКАТОРА

¹ Дополнительный устный эпитет О. Н. Арбениной: муругий.

² Юрий Иванович Юркун (Иосиф Юркунас, 1895-1938) - литератор и художник, спутник жизни М. А. Кузмина, по национальности литовец; расстрелян по т. н. «писательскому делу».

³ Михаил Анатольевич Долинов (1892-1936) - поэт, режиссер, сын актера и режиссера Александринского театра А. И. Котляра, получившего Высочайшее разрешение носить фамилию Долинов, бывшую сценическим псевдонимом; в 20-х годах эмигрировал, умер в Париже.

⁴ «Джульетта» - третий акт комической оперы Жака Оффенбаха «Сказки Гофмана» (1880), обрамленный знаменитой баркаролой.

⁵ Возможно, речь идет о "низеньком восьмиоконном корпусе старого, старого дома" постройки 1779 года в "узкой, темной части Соляного переуллка, где он близится уже к Сергиевской"; здесь в 1914 году О. Э. Озаровским был открыт музей старины из "пяти комнат, посвященных эпохам: петровской ранней, петровской поздней, елизаветинской, екатерининской и александровской" (см.: Юр. Озаровский. Старый домик // Солнце России. -1914. - № 212, 4 марта. - С. 12).

Видимо здесь же или поблизости проживали в это время Судейкины, поскольку А. С. Лурье говорит о том, что "своих близких и самых интимных друзей Ольга Афанасьевна любила принимать в знаменитом "театральном домике" Озаровского. В этом восхитительном домике была собрана мебель карельской березы Елизаветинской эпохи, клавесины, венецианские зеркала, русское стекло, фарфор, вышивки, портреты Боровиковского и красавиц Венецианова" (см.: Артур Лурье. Фея кукол// Воздушные пути. - Нью-Йорк, 1967.- V). Ср. также в гл. 2-й "Поэмы без героя":

Дом пестрей комедьянтской фуры,
Облупившиеся амурь
Охраняют Венерин алтарь. [...]
В стенах лесенки скрыты витые,
А на стенках лазурных святые -
Полукрадено это добро...
Вся в цветах, как "Весна" Ботичелли,
Ты друзей принимала в постели [...]

Вряд ли "лесенки витые" можно соотнести с интерьерами "дома Адамини" в стиле строгого классицизма (см. ниже пояснение 10), где проживали Судейкины, но, видимо, позже, в пору работы С. Ю. Судейкина над декорированием "Привала комедиантов" и начавшейся связи Судейкина с В. А. Шиллинг. Наверное, уже отсюда Ольга Афанасьевна перебралась на Фонтанку, 18.

⁶ Вера Артуровна Шиллинг (урожденная Де Боссэ, 1888-1982), впоследствии вторая жена И. Ф. Стравинского.

⁷ В рукописи: (№ - 18?).

⁸ Артур Сергеевич Лурье (1892-1966) - композитор-авангардист, ученик А. К. Глазунова; в 1921 году - комиссар музыкального отдела Наркомпроса в Петрограде; будучи спутником жизни Судейкиной, начал роман с Ахматовой, поселившейся в квартире подруги в 1921 году во время ее гастрольной поездки в Вологду и остававшейся в ней до 1923 года (отношения Ахматовой и Лурье восходили еще к дореволюционным временам и продолжались после возвращения Судейкиной); в марте 1922 года Лурье уехал за границу вместе с Тamarой Михайловной Персиц (в замужестве Кобеко, ум. в 1955), состоятельной женщиной, близкой к литературно-художественным кругам (в 1919 году субсидировала издание романа М. А. Кузмина "Чудесная жизнь Иосифа Бальзамо, графа Калиостро"). Оценки музыкального творчества Лурье довольно противоречивы, если скорее не негативны, вопреки его собственным притязаниям на роль смелого реформатора; лишь в самое последнее время обозначилось небольшое оживление интереса к его наследию.

⁹ Вера Александровна Сутугина (1892-1969) - секретарь издательства "Всемирная литература".

¹⁰ "Бродячая собака" - художественное кабаре, открытое Б. К. Прониным в подвале на Михайловской площади, 5, в Петербурге в 1912-1915 годах; особым успехом пользовалось в первые два года существования, как место ночных встреч литераторов, художников, артистов; стены подвала были расписаны Судейкиным.

¹¹ "Привал комедиантов" - преемник "Бродячей собаки" в 1916-1919 годах; находился в доме, построенном архитектором Адамими, на углу Мойки и Марсова поля в Петрограде (в этом же доме жили во второй половине 10-х годов Судейкины и находилось Художественное бюро Н. Е. Добычиной, занимавшееся посредничеством в продаже новых произведений живописи и тем самым "лансированием" новых имен); помимо С. Ю. Судейкина, "Привал комедиантов" был декорирован А. Е. Яковлевым, Б. Д. Григорьевым и Б. К. Прониным.

¹² Николай Александрович Щербаков (1898-?) - актер, ученик студии Мейерхольда; в него была влюблена О. Н. Арбенина.

¹³ Знаменитое наводнение 24 августа 1924 года.

¹⁴ В рукописи ошибочно: XX-го века.

¹⁵ Устное разъяснение О. Н. Арбениной.

¹⁶ В "Поэме без героя" (гл. 2) имеется многозначительное, пока не проясненное комментаторами упоминание о свидании "Коломбины" в Мальтийской капелле (во внутреннем дворе Пажеского корпуса на Садовой в Петербурге):

И свиданье в Мальтийской капелле,
Как проклятье в твоей груди.

¹⁷ Палладия (Паллада) Олимповна (Олимпиевна) Богданова-Бельская (последняя фамилия в замужестве Гросс, урожденная Старынкевич, 1885-1968) - заметная фигура петербургской богемы 1910-х годов, ученица драматической студии Н. Н. Евреинова, поэтесса; славилась своей экстравагантностью, послужила прототипом Полины в романе М. А. Кузмина "Плавающие, путешествующие" (1915); персонаж ряда других литературных и мемуарных произведений. Об отношении к ней Судейкина и Гумилева см. вступление к публикации.

¹⁸ Алексей Николаевич Савинов (1905-1976) - ленинградский искусствовед, исследователь творчества Венецианова. В 1930-х годах посетитель дома М. А. Кузмина (ему принадлежит ряд фотографий застолий на Спасской, 17, кв. 9); с 1956 года переписывался с А. Н. Бенуа и другими деятелями русской культуры в эмиграции; подготовил советское издание "Моих воспоминаний" Бенуа, занимался сбором материалов по истории русской культуры "серебряного века".

¹⁹ Геннадий Григорьевич Шмаков (1940-1988) - ленинградский литературовед, театровед, переводчик; с конца 60-х годов первым, после длительного перерыва, обратился к изучению творчества М. А. Кузмина и заложил основы его современного научного исследования; с 1975 года в эмиграции в США; близко знал О. Н. Арбенину, вспоминая о нем с неизменной теплотой.

²⁰ Всеволод Николаевич Петров (1912-1978) - ленинградский искусствовед, исследователь "Мира искусства", автор воспоминаний о Кузмине (Калиостро: Воспоминания и размышления о Михаиле Кузмине / Публ. Г. Шмакова // Новый журнал. - 1986. - Кн. 163). В сокращении: Панорама искусств. - М., 1980. - Вып. 3). От О. Н. Арбениной остались заметки, вносящие коррективы и уточнения в воспоминания В. Н. Петрова.